

Василий Водовозов

Учительские советы и съезды

Василий Водовозов

Учительские советы и съезды

«Public Domain»

1883

Водовозов В. И.

Учительские советы и съезды / В. И. Водовозов — «Public Domain», 1883

«Новый проект училищного устава, на который писали свои замечания до 360 педагогов, кажется, очень мало подвергался обсуждению в нашей литературе. Между тем им подняты вопросы первостепенной важности, вопросы, которые столько же касаются всего общества, сколько и лиц, официально призванных к делу обучения. Что касается учреждения училищных советов, частных и народных школ, введения реальных предметов в курс преподавания, то во всем этом истинного успеха можно ожидать только от частной инициативы...»

Василий Водовозов

Учительские советы и съезды

Новый проект училищного устава, на который писали свои замечания до 360 педагогов, кажется, очень мало подвергался обсуждению в нашей литературе. Между тем им подняты вопросы первостепенной важности, вопросы, которые столько же касаются всего общества, сколько и лиц, официально призванных к делу обучения. Что касается учреждения училищных советов, частных и народных школ, введения реальных предметов в курс преподавания, то во всем этом истинного успеха можно ожидать только от частной инициативы.

Училищные советы и съезды могли бы несколько оживить педагогическую деятельность у нас в провинции, где до сих пор вследствие резкого разделения всех сословий преподаватель живет какою-то тесною, замкнутою жизнью, не имея доступа ни в круг так называемого высшего общества, ни в чуждый для него мир подьячих, купцов и ремесленников. Если и долго еще ожидать, пока не будут уничтожены бесконечные перегородки, разделяющие у нас чины, звания, занятия, то по крайней мере не надо пренебрегать ни одной мерой, ведущей к сближению разных членов общества между собою: от их разрозненности только все более утверждаются эгоизм, апатия, невежество. Воспитание детей принадлежит именно к таким общественным вопросам, в которых более всего возможно ожидать сближения между всеми сословиями, если только сами школы не будут противодействовать этому, удовлетворяя один класс общества на счет другого. Да возможны ли у нас такие собрания, где лица, ревнуя об образовании, добровольно сходились бы между собою и согласно решали бы дела, касающиеся общественной пользы? В самих наших педагогах есть ли на столько педагогического интереса? Наши педагоги при своем незавидном положении, конечно, так заняты заботой о пропитании себя и своего семейства, что от них невозможно и требовать каких-либо особенных жертв в этом деле; но, как видно из примечаний, сделанных на проект, почти все они готовы содействовать общему труду, если только этот труд не будет совершенно бесплодным; а бесплодным он будет тогда, когда все ограничится одними прениями, без результатов и применения на деле. Кроме официальных педагогов в собраниях, назначенных для обсуждения вопросов о воспитании, необходимо возможно большее участие лиц, которые вполне посвящали бы себя на служение школам. Но до сих пор в лице разных попечителей и других членов, заседающих на советах, мы подобных особ не встречали. А большею частью господа эти, не прочитав в жизнь свою ни одной педагогической книги, да и вообще не жалуя книг, не видав ни одной школы, кроме той, в которой сами воспитывались (если только не воспитывались у себя дома, по подобию Евгения Онегина), с решимостью преобразуют училищный порядок, выказывая значительность своей особы заботливым, нахмуренным видом, строгим начальническим взглядом и вмешательством во всякое дело, которое не разумеют. Иногда сюда присоединяется иезуитский способ обхождения, по которому они ласкают именно того, кого думают пришибить по своим расчетам, — все это нисколько не наставительно для учащихся и отнюдь не плодотворно для школы. К чему поведут советы с подобными деятелями? Нам рассказывали про одно женское заведение, в котором ни сама содержательница пансиона, ни попечители никогда и не мечтали о возможности какого-нибудь изменения и, только следуя букве устава, применяли его в таких подробностях, где и китайский ум вряд ли придумал бы какие-нибудь правила: заставляли воспитанниц ходить, сидеть, учиться, молиться, даже спать и ничего не делать по строго заведенному порядку. Но преобразование коснулось и этого заведения: присланы были новые правила, по которым, между прочим, предписывалось решать все учебные дела на педагогических собраниях. Вот содержательница пансиона с попечителем, с каким-то членом и с одним или двумя подведомственными господами комфортно заседала у себя в гостиной; тут же находились еще какие-то незначительные личности, поодаль от них чинно держали себя несколько дежурных

воспитанниц, не смея моргнуть глазом, а стоявшая позади них классная дама умильным до оглушения взором глядела прямо в глаза содержательнице пансиона. В такой обстановке обыкновенно начинались домашние собрания, на которых все решалось. Содержательница пансиона долго и медленно озираала всех, велела одной из воспитанниц принести себе скамейку под ноги, другую послала за какой-то работой, третьей приказала идти переменить прическу; даму она отправила за другой дамой и когда эта пришла, то велела ей пойти спросить у третьей дамы списки с баллами за поведение и т. д. Наконец, сделав еще много других подобных распоряжений, она выслала всех посторонних и приступила к совещанию, как вдруг попечитель, вовсе не ревнитель каких-нибудь новых порядков, сделал замечание, что по новым правилам необходимо созвать на совещание и преподавателей. «Зачем же? я не понимаю, – сказала начальница, – мы окончим теперь дело, а в другой раз можно, пожалуй, призвать сюда преподавателей и объявить им, что они должны делать». В созвании преподавателей содержательница пансиона не видела ничего дурного, находя в этом только новый повод к большей торжественности заседания.

«Как? – воскликнул попечитель, объятый ужасом. – Созвать учителей сюда, в эту комнату, где совещаемся мы? Назначьте для этого по крайней мере не гостиную, а один из соседних покоев». Но содержательница пансиона была очень упряма и не любила вмешательства в свои распоряжения: из-за комнаты вышла ссора; попечитель на зло ей стал либеральничать, настаивая на том, чтобы первоначально собрать мнения от учителей. Наконец, напуганная законом, содержательница пансиона уступила. Назначено было торжественное собрание в зале. Преподаватели сошлись в кучку и ждали, что будет, изредка посматривая на начальство, которое председательствуя за столом о чем-то с жаром переговаривалось, но не приглашало собравшихся садиться; попечитель был особенно важен и пасмурен. Вдруг взял он бумагу, взглянул строго на преподавателей и стал выкликать одного за другим по списку. Содержательница пансиона, заявляя и свою власть, начала рассаживать всех по своему усмотрению, имея в виду старшинство каждого или свое особенное расположение. Попечитель увидел себя в роли какого-то слуги, который должен исполнять известную формальность, не имея права сам распоряжаться. Он, не окончив выклички, вдруг бросил бумагу и отрывисто сказал: «Господа, прошу покорно садиться. Г-н инспектор! извольте прочесть новые правила!» Начальница потрепала чепцом, с шумом встала из-за стола и тут же начала толковать дамам о каких-то распоряжениях, возвышая сколько возможно более голос. Между тем инспектор выступил на середину зала с правилами и что-то замямлил. «Читайте же, – возразил энергически попечитель, – чтобы гг. присутствующие могли проникнуться духом закона». Инспектор читал долго, вяло, с перерывами, видимо занятый мыслию о том, не оскорбится ли начальница его громким чтением: мирная душа его глубоко скорбела об анархии, происшедшей между властями. Так прошел час. Никто из преподавателей не понял прочитанного. Затем следовало такое же монотонное чтение списков. Дело шло о наградах. По обыкновению лучшие из воспитанниц не получили ничего, потому что имели не «12», а «11» в поведении; имели же они «11» потому, что не целовали беспрестанно руки классной даме, не бросались наперерыв с другими подымать клубок, который она уронит, и даже молча выслушивали брань, тогда как должны бы плакать и каяться. Полный балл из поведения получили большею частью самые плохие; на это кем-то из преподавателей сделано было замечание. Попечитель обрадовался случаю заявить свою самостоятельность, и тех, у которых были плохие отметки из какого-нибудь предмета, выключили из наградного списка; но лучшие воспитанницы все-таки остались со своим дурным поведением: на этом настояли дамы, которые еще прежде решили между собою, какую из девиц лишить награды в отместку за ее спокойную стойкость при всех выговорах и распеканиях. «А, – грозили они, – ты хочешь показать, что тебе все нипочем... хорошо, узнаешь, как получишь дурной аттестат; будешь кулаком утирать слезы». Весь результат собрания *был*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.